

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. А. Фадеичева

«Непредставленная» идеология
и дискурс «нашизма»

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Fadeicheva.pdf>

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

М.А.Фадеичева

«Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма»

В российском постмодерне практически невозможно обнаружить идеологии в их «чистом виде». Вместо этого имеется эклектическое сочетание разнородных идей, зачастую противоположных. Развиваются идеологические гибриды, не позволяющие определить ясно, точно и однозначно их видовую принадлежность, что во многом определяется специфическими чертами современной социальной ситуации.

Одна из таких черт — лавинообразное увеличение количества субкультур, приводящее к фрагментации общества. А.Тоффлер справедливо замечал: «Фрагментация общества несет с собой диверсификацию ценностей. Мы присутствуем при развале единодушия»¹. Второй важной чертой видится ускорение изменения социальных ценностей и норм, к которым человек и гражданин не в состоянии адаптироваться. Третья черта — усиление кроссэтнической коммуникации. Эти три особенности постмодерна приводят к тому, что для России, как и для многих других современных государств особенно актуальной становится проблема построения и укрепления сообщества, выработка общей гражданской идентичности, воспитание и поддержка чувства общности граждан государства. Без ее решения невозможно обеспечить экономическое, политическое и социальное развитие, трудно реализовать национальные проекты, а само существование целостного суверенного государства в такой ситуации может оказаться под угрозой. Решение же этой проблемы возможно на основе общеразделяемой, легитимной идеологии.

Социально-политические преобразования имеют положительный, в смысле — ожидаемый организаторами, результат, если идеологический вектор преобразований совпадает с политическими ценностями и ожиданиями гражданского общества, а господствующая идеология эффективно функционирует в публичной сфере. В связи с этим значительное внимание должно быть уделено выяснению того, на каких

¹ Тоффлер А. Футуршок. СПб.: Лань, 1997. С.243.

идейных основаниях осуществляются социальные и политические трансформации, каково их направление и перспективы развития государства. Власть эту необходимость либо «чувствует», либо осознает.

В начале 90-х гг. XX века власть ее «чувствовала» и в лице первого Президента Российской Федерации ставила задачу поиска, выработки «национальной идеи», определяющей содержание нового государства, которая была активно поддержана научным сообществом и просвещенной политической общественностью. Можно сделать вывод, что поиски не увенчались успехом, так как в настоящее время властью уже вполне осознанно выдвигается задача создания идеологии. «Если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную философию, свою приемлемую для большинства наших граждан (хотя бы для большинства, а желательно — для всех) национальную идеологию, то с нами просто не будут говорить и считаться. Зачем говорить с немым?»². Кажется, что поставлена более масштабная задача, требующая создания системы идей, в которых осознаются и оцениваются социальные проблемы, а также содержатся цели политической деятельности и программы развития социального устройства.

Для народа формулируются идеологические вопросы: «Кто мы? Куда идем? В каком обществе хотим жить? Наши ценности и кто им угрожает?». И на них дается ответ, который призван не оставить места сомнениям: «Новая триада российских национальных ценностей — это суверенная демократия, сильная экономика и военная мощь»³.

Согласно политическим обыкновениям, легальная власть, пытаясь стать легитимной, устанавливает основной закон — конституцию, в которой закрепляет свою идеологию. То есть в конституции оформлена официальная государственная идеология. Опираясь на нее, власть рассчитывает на успешное проведение намеченных преобразований. Совпадение официальной государственной идеологии, оформленной в конституцию, с обще- или преимущественно разделяемыми социально-политическими ценностями и ожиданиями гражданского общества, превращает ее в национальную идеологию. Признанная народом конституция — это обиталище национальной идеологии, сама эта идеология. Если конституция не легитимна, власть активизирует конструирование другой, более отвечающей социальным ожиданиям, «национальной идеологии».

² Ильичев Г. Владислав Сурков: «Народ должен иметь целостное представление о себе» // Известия, 31.08. 2006. С.2.

³ Иванов С. Триада национальных ценностей // Известия, 14.07. 2006. С.4.

Особенно интересно то, что и бывшие поиски «национальной идеи», и нынешнее создание «национальной идеологии» происходит вне и независимо от Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Известен исторический контекст, в котором она создавалась. Чтобы окончательно отказаться от официально установленной в СССР марксистско-ленинской идеологии, авторы новой Конституции в Статье 13 записали: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В таких конституционных формулировках нашло отражение сведение идеологии только к одной ее разновидности – марксистско-ленинской. И только на первый взгляд это может быть принято за деидеологизацию. В Главе 2 Конституции РФ «Права человека и гражданина» изложена либеральная идеология в ее почти классическом варианте. Через 10 лет после принятия либеральной Конституции, в 2003 г. на выборах в Государственную Думу РФ политические партии, декларировавшие либеральные ценности, не преодолели 5%-й барьер. То есть либеральная идеология, содержащаяся в Конституции, не стала национальной идеологией. Произошла делегитимация Конституции РФ. Симптоматично в этом отношении, что с 2005 г. День Конституции РФ, перестал быть праздничным днем.

В государстве, в котором принята либеральная конституция, но либеральная идеология не является преимущественно разделяемой, либеральные ценности – предпочтительными, либеральные партии не преодолевают необходимого барьера, чтобы быть представленными в органах законодательной власти, а слово «либерал» стало ругательным, с неизбежностью складывается особая идеологическая ситуация. Делегитимация Конституции РФ стимулирует дальнейшие поиски новой, более подходящей власти и понятной народу идеологии.

Возможно, что политические конструкторы идеологических проектов действительно полагают: государство и общество представляет собой воплощение идей, мыслей, принципов, находящихся в головах идеологов. Отсюда закономерно вытекает и их подход к действительности, – это конструирование мнимой реальности, умышленно выдаваемой или наивно принимаемой за действительность. Для идеологов существует реальная опасность превращения идеологии из системы идей, позволяющих установить твердые основы для политики, в оторванные от практической жизни и реальной политики взгляды, порождающие пренебрежительное отношение к ней. Конструируя

идеологическую реальность, необходимо иметь четкие представления о том, что уже существует.

Либеральной идеологии, заключенной в Российской Конституции, новейшим идеологическим проектам российской власти противостоят дискурсивные практики совсем иной, неназванной и «непредставленной» идеологии.

Не каждая идеология существует в виде систематически изложенных теоретических положений в трактатах, манифестах и программах партий. «Непредставленные» и неназванные идеологии живут в бытии повседневности: в речах государственных, политических и общественных деятелей, в средствах массовой информации, в разговорах рядовых граждан и т. д., затрагивающих сферу политики, что и называется идеологическими дискурсивными практиками⁴. На основе их анализа можно выявить некоторые идеологемы, легко развертываемые в идеологии, которые в свою очередь идейно-политически определяют вектор социального развития.

Европейские историки усматривают сходство 30-х и 90-х гг. XX в., причем печальное и даже отвратительное сходство, когда возрождаются и процветают ксенофобия, расизм и национализм⁵. Эти три идеологических монстра, способные разрушить любое национальное государство и испортить жизнь, а иногда и лишить жизни, граждан государства, в начале XXI века в Европе имеют свое продолжение. Если обратиться к ситуации в России, то можно заметить, что к ней в полной мере относятся эти европейские тренды. Целый комплекс экономических, политических и социально-психологических причин привел здесь к становлению идеологического дискурса, который может быть условно обозначен как дискурс «нашизма». «НАШ, -его, м.; ж. наша, -ей; ср. наше, -его; мн. наши, - их, мест. притяж. Принадлежащий нам, имеющий отношение к нам. *Наш дом. Поживем у наших* (сущ.: у наших родных, близких). По-нашему – 1) по нашей воле, желанию. *Добьемся, все будет по-нашему*; 2) так, как делаем мы. *Работайте по-нашему*; 3) вводн. сл., по нашему мнению. *По-нашему, нужно остаться здесь*. И нашим и вашим (разг. неодобр.) – о том, кто двурушничает. Знай наших! (разг.) – вот мы каковы! (похвальба). Наша взяла! (разг.) – мы одолели, победили. Наше вам (с кисточкой)! (прост. шутл.) – выражение приветствия. С наше (разг.) – столько, так много, сколько мы. *Поработайте с наше*»⁶.

⁴ См.: Дейк Т.А. ван. Расизм и язык. М.: ИНИОН РАН, 1989.

⁵ См.: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Российская АН, Российский фонд культуры, 1996. С.391.

«Наш – не наш» это – основание и признак любого социального и политического группообразования. Представление о «нашем» может находиться в пределах нормы, отличающей здоровое групповое самосознание. Но при определенных обстоятельствах оно может приобретать гипертрофированные черты утрированной «нашести», не столько в различении, сколько в противопоставлении «нашего» «не нашему», себя другим, в абсолютизации и сакрализации «нашего», в позиционировании его как наилучшего и предпочтительного, даже если это не соответствует действительности: «Наше – лучше»; «Уж лучше плохонький, да свой». Конституирующим принципом «нашизма» является ксенофобия, в ее классическом понимании как боязни всего чужого и враждебности по отношению ко всему чужому, «не нашему». Не наше – это чужое, следовательно, враждебное. Простая логика «нашизма» неизбежно приводит к поиску врагов. Поиск врагов выполняет компенсаторную функцию в ситуациях неудавшихся социальных проектов, нереализованных политических программ, не оправдавшихся гражданских ожиданий.

Симптомом «нашизма» представляется частотность употребления слова «наш», «наше» в различного рода названиях предприятий и мероприятий, не всегда непосредственно связанных с политической сферой. Например: «Наше кино» – телевизионный канал, демонстрирующий художественные советские фильмы; «Наши песни» – телевизионная передача; «Наша рыба», «Наш магазин», пельмени «Наши», молодежное движение – «Наши» и т.д. Далее, например, министр обороны РФ, в интервью, данном ТВ после уничтожения Ш.Басаева, называет его «наш бен Ладен».

Обнаруживаются три варианта дискурсов «нашизма», в зависимости от того, что определяется в качестве критерия «нашего». Если критерием в определении «наших» является принадлежность к национальному государству, тогда обнаруживается идеология национализма и ее дискурсивные практики. Если критерием отнесения к «нашим» выбирается этничность в сочетании с государственной оболочкой, можно обнаружить многообразные проявления этнонационализма. Распознавание «наших» по признакам «физической антропологии», несомненно, имеет отношение к расизму. Отсюда и три типа врагов: национальные, этнические и расовые. Причем «наши» и «не наши» так же контекстуальны, консенсусны и относительны, как политические истины российского постмодерна.

Субъектом националистического отношения в политическом дискурсе российского постмодерна является складывающаяся в России

гражданская нация, имеющая полиэтническую основу. Объектом такого отношения является Россия в ее «державном», государственном понимании, противопоставляемая другим государствам, особенно США, а также государствам Западной Европы. Такой выбор государств-врагов, кроме разного рода исторических и иных причин, объясняется тем, что США, а также западноевропейские государства представляют собой для России модернизационный вызов. При догоняющем типе развития, в условиях очередного этапа неорганической модернизации для достойного ответа на модернизационный вызов требуются экстраординарные усилия, превосходящие реальные возможности современной России. Однако не только развитые страны выступают в качестве «не наших». Противником может оказаться всякое суверенное или укрепляющее суверенитет, а также более успешно защищающее национальные интересы государство. Следует заметить, что национализм носит агрессивный характер с ярко выраженным негативным отношением не только к правительствам и государствам, но также и к их гражданам. Антиамериканизм и антизападничество стали чем-то само собой разумеющимся и привычным в дискурсе постмодерной России.

Агрессивный национализм становящейся гражданской нации, в результате успешной модернизации способен превратиться в здоровый государственный патриотизм. Однако из-за трудностей, связанных с процессом модернизации, он приобретает гипертрофированную форму и превращается в этнонационализм, который представляет собой самую распространенную дискурсивную практику «нашизма».

Этнонационалистический дискурс шире этнонационализма как социально-политического движения, направленного на осуществление государственного строительства по этническому принципу и на утверждение социального превосходства этнического большинства, которое называется «титальной нацией» или «государствообразующей нацией», «державным народом». Лозунг «Россия — для русских», произносимый с дискуссионных ТВ-трибун политических ток-шоу, он же в качестве надписи вместе с лозунгом «России — русский порядок» на заборах мегаполисов, предвыборный партийный слоган лидера ЛДПР В.В.Жириновского «Мы — за бедных, мы — за русских» на рекламных щитах на улицах городов и т.д. в качестве дискурсивных практик этнонационализма стали неотъемлемой частью бытия повседневности. Политизация этничности приобретает особую роль в связи с проблемами власти, ресурсов и самоопределения.

«Там, где этничность связывается с национализмом, возникает взрывчатая смесь»⁷. Главным трендом этнонационализма является все более полное и жесткое разделение на «наших», принадлежащих этнонации, и «не наших», «чужих», исключаемых из этой общности. Этнонационализм означает своеобразное представление об этничности (чаще всего называемой национальностью), связывающей кровными узами, абсолютизирует ее, представляет этническую идентичность как неотъемлемое природное свойство, которое становится решающим при определении путей достижения и использования власти, служит регулятором политического поведения. Этнонация таким образом приобретает культовый характер. Этничность превосходит все прочие социальные связи и отношения. В дискурсивных практиках этнонационализма существенным оказывается эмоциональный элемент, что закономерно вытекает из культового характера этнонации, которая является предметом веры и почитания. В силу этого этнонационалистические представления слабо поддаются рациональной критике.

Представление об обязательности этнической гомогенности нации, разделение и противопоставление индивидов по этническому признаку содержит деструктивные предпосылки не только в отношении гражданских организаций и ассоциаций, образованных не по этническому признаку, но и в отношении самого государства. Этнонационализм может разрушить любое государство. Разобщение граждан государства не всегда связано с крайними формами политического поведения, ориентированного на сепаратизм, сецессии, этнические чистки. Есть и другие формы «мягкой» дезинтеграции, от чего она не делается менее опасной и более преодолимой. Утрированное обращение к этничности, «национальному возрождению», поиски этнокультурной самобытности усиливаются при отсутствии иных интегрирующих оснований, что приводит к абсолютизации этнических различий, последняя в свою очередь усиливает этнополитическую напряженность, препятствует формированию общегражданской идентичности. «Ползучий» этнонационализм минимизирует возможности достижения гражданского согласия на полиэтнической основе, без которого невозможно достигнуть поступательного развития государства и социума.

Этнонационалистические и расистские дискурсивные практики имеют место и распространяются там, где происходит и становится все более интенсивной кроссэтническая коммуникация. «Взрывчатая смесь»

⁷ Альтерматт У. Указ. соч. С.225.

возникает и там, где этничность связывается с расой, абсолютизируются этно-расовые различия. В настоящее время в России практически невозможно обнаружить классическую расовую теорию или идеологию в чистом виде, официально находящуюся на вооружении какой-либо политической партии или общественно-политической организации. Согласно п. 5 Статьи 13 Конституции Российской Федерации, «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Однако дискурсивные практики расизма представлены весьма значительно.

Косвенным свидетельством тому является, например, инициатива партии «Единая Россия» о подписании лидерами российских политических партий «Антифашистского пакта», который должен был бы называться антирасистским, так как из семи положений данного документа четыре относятся к осуждению расизма, а именно: 1. Не допускать членства в своих рядах людей, выступающих с *расистских* позиций. 2. Не принимать в свои ряды граждан, высказывающихся с *расистских* позиций и не отказавшихся публично от своих *расистских* высказываний. 4. Публично выступать с категоричным осуждением любых заявлений и действий, если они имеют признаки пропаганды *расизма*. 5. Прекращать любое сотрудничество со всеми организациями, выступившими с *расистских* позиций. Тогда как в трех других положениях речь идет об иных формах человеческой розни. Так, в положении 3 говорится: Не выдвигать и не поддерживать кандидатов на должности в органах государственной власти и местного самоуправления, которые пропагандируют *национальное* превосходство. Положение 6. Не принимать участия в массовых мероприятиях, заявленных и проводимых с использованием *ксенофобских* лозунгов. И, наконец, 7. Бойкотировать средства массовой информации, предоставляющие трибуну лицам, использующим идеологию *фашизма*, а также политиков, которые сотрудничают с ними⁸. В тексте Пакта главная опасность видится не столько в фашизме, сколько в расистской идеологии, а также ее дискурсивных практиках.

Следует заметить, что российский расизм отличается смутными и неопределенными представлениями о расе. Однако это не мешает широкому распространению дискурсивных расистских практик, а также дискриминации и насилия по отношению к «визуальным меньшинствам». Ему неведомы бесспорная биологическая реальность фенотипического

⁸ Антифашистский пакт // Известия, 30.01. 2006. С.2.

разнообразия людей, отсутствие «чистых» человеческих рас, существующая в антропологии шкала цветов кожи человека, насчитывающая 36 оттенков. Человеческие расы все еще по-разному классифицируются антропологами разных направлений, и только согласно одной из них, преобладающую часть человечества можно разделить на три большие группы, а именно: монголоидную, негроидную, кавказоидную (термин, введенный еще И.Ф.Блуменбахом в 1775 г., идентичный термину «европеоидная»). Последнее замечание особенно может быть интересно тем «нацистским» расистам, которые называют выходцев с Северного Кавказа и Закавказья, живущих в Центральной России и других областях, «черными». К российским «черным» относятся так называемые «визуальные меньшинства», которые вовсе не обладают восемью параметрами, определяющими принадлежность к негроидам (африканской расе). Расистский дискурс распространяется в отношении «желтых» – мигрантов из Китая и Вьетнама.

Задача, стоящая в идеологическом отношении перед Россией, чрезвычайно сложна. Это – вытеснение дискурса «нашизма» на идейную периферию. Для этого необходимо объединить усилия граждан, гражданских организаций и власти всех уровней по преодолению маргинальности и бедности в постсоветском обществе.

Если возобладают дискурсы агрессивного национализма, этнонационализма и расизма, то из двух возможных сценариев развития России: или укрепление российской государственности, или ее распад, которые оцениваются как равно возможные, реализуется последний.